

АЛЕКСАНДРА ГЛУХОВА

Социокультурный конфликт как фактор современного политического процесса

Проблематика социокультурных конфликтов занимает одно из приоритетных мест в современной социологии, политологии, конфликтологии. Возрастающий динамизм мирового общественного развития, противоречия во взаимодействии культур, народов и государств, особенно переживающих глубокие общественные трансформации, актуализируют необходимость выявления причин, сущности, форм и типов конфликтов, возникающих в различных социально-экономических и социокультурных контекстах. Исследование культурной детерминанты в современных социальных и политических процессах, особенно под воздействием глобализации, позволяет своевременно фиксировать те ценностные расколы (клингажи), которые потенциально могут стать источниками масштабных политических конфликтов, обернуться острой борьбой за новый проект социокультурной ориентации как отдельных обществ, так и мирового сообщества в целом.

По общему мнению многих западных и отечественных исследователей, изменения в содержании ценностей будут играть доминирующую роль в трансформации современных обществ в XXI веке (1). Усиливается значимость проблем культуры и качества жизни, внутренних аспектов существования человека, назревает конфликт между общественными группами, выступающими носителями принципиально различных ценностных ориентаций. В связи с тем, что именно социокультурные, ценностные конфликты отличаются наибольшей интенсивностью и чрезвычайно сложны для урегулирования, их взаимодействие с политикой заслуживает отдельного рассмотрения.

Общественные науки предложили множество парадигм, объясняющих феномен социального конфликта и, соответственно, его ценностную составляющую (в частности, модели конфликта К. Маркса, Г. Зиммеля, Р. Дарендорфа, Л. Козера, Л. Крисберга, Й. Галтунга и др.). Исторически в развитии концепций социального конфликта выделяются три основных этапа.

Первый (с середины XIX века) означал господство как марксистских, так и немарксистских теорий. В противоположность идее, согласно которой классовый конфликт является основой эвристического принципа объясне-

ния истории (К. Маркс), высказывались мысли о том, что социальный конфликт, являясь основным понятием социологии, неотделим от всей культурной жизни (М. Вебер), имеет как позитивные, так и негативные последствия для развития культуры (Г. Зиммель), выполняет роль движущего фактора социокультурной динамики (П. Сорокин).

Второй этап (середина XX века) характеризуется преобладанием структурно-функциональной школы, ориентированной на исследование системы институтов, законов, личностных и групповых взаимодействий североамериканского и европейских обществ, обуславливающих их интеграцию (Т. Парсонс). Однако эта школа, трактовавшая конфликт как социальную болезнь или патологию, встретила резкую критику конфликтных функционалистов, рассматривавших конфликт в качестве «укрощенного» фактора эволюционного и поступательного развития общества (Л. Козер), а также структуралистов, трактовавших его как неотъемлемый элемент социального действия (Р. Дарендорф). В результате происходит пересмотр категориальной системы конфликта, в частности отказ от попыток «разрешения» конфликта как полного и окончательного устранения противоречий, свойственных человеческим сообществам, и принятие тезиса о его «урегулировании», то есть упорядочении силовых взаимодействий сторон.

Третий этап (конец XX века) связан с радикально изменившимися обстоятельствами на макроуровне. С начала 1990-х годов происходит актуализация цивилизационной тематики, что обуславливалось рядом объективных перемен: распространением фундаменталистских идеологий, прогрессирующей десекуляризацией мира, возрастающей ролью цивилизационной и конфессиональной принадлежности в качестве источника самоидентификации индивида. Наблюдаемое ныне усиление цивилизационного фактора в мировой политике закономерно, а пристальное внимание исследователей к нему вполне оправдано. Его выход на авансцену мировой истории обусловлен тем, что разрушены прежние факторы стабилизации мировой системы, такие, например, как двуполюсность глобального геополитического пространства, а сама «универсальная цивилизация» вступает в фазу смены лидера. Но осуществление этой смены занимает целую эпоху и сопровождается полосою общемировых кризисных потрясений. В этот период ослабление регулирующих функций универсальной системы международных взаимодействий проявляется в том, что в качестве временных, вспомогательных оказываются востребованными функциональные возможности структур низшего порядка сложности, в нынешнюю эпоху — цивилизаций; см.: (2. С. 23–24).

Распад многосоставных государств, рост межэтнической напряженности стали характерными приметами мирового политического процесса конца XX века. Объяснение конфликта «классическими» теориями стало считаться неадекватным и слишком абстрактным. Становится популярной концепция С. Хантингтона, акцентирующая роль цивилизационной солидарности людей в борьбе за ограниченные ресурсы, будь то территория, сырье или властные полномочия. Конфликт цивилизаций начинают рассматривать как конфликт этнокультурных и этнорелигиозных сообществ любого качества и размера — от военного столкновения суверенных государств до весьма тонких проявлений межобщинной розни в европейских мегаполисах. Но если

не сводить конфликт цивилизаций к физическим столкновениям общин и к классической битве за ресурсы, то речь может идти о конфликте ценностей, образов мира, социальных и политических практик, говоря иначе, о конфликте идентичностей, см.: (З. С. 5). Вместе с тем институциональные основы идентичности претерпевают существенные изменения. С одной стороны, происходит постоянное «взламывание» групповых культур, их подавление «другими» ценностями или метаморфозы внутри них – изменение интерпретаций, появление дополнительных аспектов и т.д. С другой стороны, сами эти ценности могут выйти за пределы отдельной конкретной группы, заинтересовать и даже захватить воображение других групп.

Не случайно в центре научных дискуссий все чаще оказываются такие методологические проблемы, как типология культурных ценностей и установок, идентификация ценностных факторов, способствующих прогрессу, и их ранжирование; определение тех ценностей и установок, которые позитивно (или негативно) влияют на становление демократических институтов, экономическое развитие и социальную справедливость.

Другой серьезной методологической проблемой является определение взаимоотношений между культурой и развитием. Здесь важно выработать практическое представление о тех силах и акторах, которые способны ускорять развитие при наличии ценностей и установок, ему не способствующих, и дать ответ на вопрос о том, можно ли добиться консолидации демократических институтов и обеспечить экономический рост, не подвергая традиционные ценности существенным преобразованиям.

Не менее важным представляется исследование взаимоотношений между ценностями/установками, политикой и институтами. Необходимо выяснить, до какой степени политика и институты отражают особенности ценностей и установок; что происходит в тех случаях, когда ценности и установки не сочетаются с проводимой политикой и господствующими институтами; определить, в какой мере политика и институты могут видоизменять ценности и установки и насколько конфликтогенным будет этот процесс.

Наконец, крайне важно исследовать процесс передачи культурных ценностей. Речь идет о выделении основных факторов трансмиссии ценностей/установок через воспитание, школу, церковь, средства массовой информации, влияние сверстников и «социальные перечисления» иммигрантов своим родным странам. Необходимо знать, какие из названных факторов сегодня являются наиболее сильными в тех или иных географических и культурных зонах; какую роль в преобразовании ценностных ориентиров может играть государственная власть.

Современный мир становится более взаимосвязанным и взаимозависимым, взаимодействие народов усиливается. Это ведет к росту цивилизационного самосознания и к тому, что глубже осознаются как междивизиационные различия, так и объединяющие их признаки. Например, массовая иммиграция во Францию выходцев из стран Северной Африки вызывает у французов враждебное отношение, а въезд «добропорядочных католиков» из Польши, наоборот, доброжелательность. Американцы гораздо более болезненно реагируют на японские капиталовложения, чем на более крупные инвестиции из Канады и европейских стран. Взаимодействие представителей разных цивили-

лизаций укрепляет их цивилизационное самосознание, а это в свою очередь обостряет уходящие в глубь веков или воспринимаемые таким образом разногласия и враждебность.

Мощные миграционные потоки привели к увеличению роли «цветного населения» в большинстве промышленно развитых стран, что становится источником очень серьезных противоречий и конфликтов. «С конца 1970-х годов требования признать идентичность, основанную на гендерной, расовой, этнической принадлежности, а также на сексуальной ориентации, поколебали нейтральность либерального государства, а конфликты в сфере культуры, происходящие вокруг признания и подтверждения разнообразных претензий на идентичность, заняли центральное место в политике оппозиционных сил», — считает известный специалист в этой области С. Бенхабиб (4. С. XXXI–XXXII). Наиболее показательны в этом плане мультикультурные конфликты, ставшие достоянием общественности в последние годы, например, дело Салмана Рушди в Великобритании, «дело о платках» в школах Франции и т.д. Они затронули эти новые этнокультурные группы, поскольку те стремились внедрить свои религиозно-культурные обычаи в правовую и культурную среду светских, но по преимуществу протестантских, католических или англиканских стран либеральной демократии.

Интеллектуальный ответ вызовам мультикультурализма состоит в том, что, попадая на Запад, представители иных культур *вольны перенять* его культурные принципы, *сохранить* собственные или же *усвоить* некоторые из распространенных на своей родине. Но при этом они должны согласиться с нормами, существующими в либеральном обществе, — хотя бы потому, что нигде больше не найдут таких возможностей для самовыражения, как здесь. Кроме того, эти возможности определяются именно нормативными основами западных обществ.

Но политический ответ Запада, в отличие от интеллектуального, звучит иначе и выражается в росте национализма. Во внутривнутриполитической жизни ряда западноевропейских стран сегодня отчетливо прослеживается несколько тенденций. Во-первых, происходит перемещение крайне правых с периферии в центр и смещение центристов вправо. Власть постепенно переходит от социалистов и социал-демократов к консерваторам. В Италии, Норвегии, Дании, Австрии, Австралии, Нидерландах, Бельгии, Швейцарии, Франции этот сдвиг уже произошел. Очевидно, что под влиянием произошедшего сдвига правящий класс перестает стесняться коалиции с одиозными политическими фигурами и движениями (например, в Австрии и Италии).

Во-вторых, происходит усвоение правящим классом элементов дискурса крайне правых: по свидетельству наблюдателей французской политической жизни, «все меньше говорится о Республике и демократии и все больше о “национальном единстве” и безопасности», см.: (5. С. 117). Аналогичные темы культурной идентичности, иммиграции слышны в публичных выступлениях немецких политиков. Лидеры европейских государств все чаще высказывают озабоченность «неконтролируемой» иммиграцией и отсутствием у вновь прибываемых политической лояльности (которая по умолчанию выводится из культурной лояльности). Пытаясь перехватить инициативу у крайне правых, власти идут на меры, которые еще десятилетие назад показались бы

несовместимыми с идеалами либеральной демократии (например, аккультурация, то есть оплата гражданами ЕС браков с неевропейцами; увеличение времени ожидания натурализации для иностранцев, ужесточение иммиграционного законодательства в отношении беженцев и т.д.).

В-третьих, происходит усложнение публичного дискурса. В современной ситуации не прослеживается линий идеологического противостояния между левыми и правыми, отчетливо различимых еще во времена «революции 1968 года». Сегодня правые пользуются языком, привычным для их оппонентов из левого лагеря: толерантность к различиям, право на идентичность, плюрализм культурных стилей и т.д.

Таким образом, в дискурсивном повороте, связанном с поправением центра и смещением правых в центр, отчетливо прослеживается новая черта. *Это перекодирование проблемы социального взаимодействия в проблему культурной совместимости.* Индустриально развитые страны Западной Европы остро нуждаются в иммиграции и по экономическим, и по демографическим причинам. Несмотря на значительный приток иммигрантов, структуры господства в европейских государствах не претерпели существенных изменений. Элиты по-прежнему рекрутируются из местного населения, мигранты и их дети занимают наименее престижные ступени на социальной лестнице. Вместе с тем иммиграция вносит свой вклад в конфликты и противоречия, с которыми сталкиваются западные общества в последние десятилетия. К таким привычным коллизиям, как безработица и преступность, примешивается этноконфессиональный компонент. То обстоятельство, что мигранты вступают в конкуренцию за ресурсы с местным населением, относится к разряду социальных проблем. Крайне правые представляют эту конкуренцию как конфликт двух культурных, или конфессиональных групп — «христиан», с одной стороны, «мусульман», с другой. Направить энергию общественного недовольства в русло ксенофобии — весьма эффективный политический инструмент, особенно для тех, кто стремится к власти.

Еще острее стоит проблема социокультурных конфликтов в трансформирующихся обществах. Известно, что сфера культуры наиболее инерционна, отличается самым медленным ходом изменения и длительным сохранением прежних условий, когда изменение уже произошло. Отсюда неизбежный конфликт между старыми, традиционными и новыми, современными ценностями, и — как следствие — противоречие между модернизированной структурой социальных и политических институтов и привычными, укоренившимися нормами, ценностями и социально-политическими практиками. Отражением этого конфликта нередко становится рост агрессивного национализма, шовинизма и фашизма. Как подчеркивает Р. Дарендорф, источник фашизма кроется не столько в массовом обществе, классовые и партийные структуры которого потеряли устойчивость, сколько «во внезапном воздействии современного индустриального мира на неподготовленное общество, сохраняющее многие характерные черты старого режима и одержимое вопросом о статусе (полученном в наследство от эпохи авторитаризма). Одно с другим просто несовместимо. В результате влиятельные группы утрачивают свое место в социуме и теряют ориентацию. Они застревают на полпути между старым и новым и ненавидят капитализм не меньше, чем социализм; новых богатых не мень-

ше, чем новых бедных. Это фермеры и лавочники, а также члены нового среднего класса, по статусу и образованию государственные служащие, белые воротнички, инженеры. В этой ситуации политическое движение, обещающее разрушить настоящее и вернуть прошлое, выглядит весьма привлекательно, и немногие понимают, что пути назад нет» (6. С. 100).

Теории «культурного лага» У. Огборна, гипотеза «трех часов» Р. Дарендорфа и концепция «культурной травмы» П. Штомпки в совокупности породили новую парадигму социального и политического изменения – *парадигму травмы*, которая постепенно внедряется в сферу гуманитарных и социальных наук. Согласно ей, процесс социального становления происходит в наследуемой культурной среде, в социально едином фонде готовых шаблонов символики, интерпретации, восприятия, толкования происходящего социального действия. Культура при этом имеет двойное значение: как среда изменения (то есть фонд культурных ресурсов), и как объект изменения, на который влияют действия социальных агентов и крупные политические потрясения. «Используя понятие “двойственность структуры” Э. Гидденса, можно говорить о “двойственности культуры” – одновременно и средства изменения, и его продукта», – пишет П. Штомпка (7. С. 7). Иначе говоря, если радикальное социальное и политическое изменение посредством деструктивного толчка затронет ткань культуры, саму основу способности субъектов к социальному созиданию, могут возникнуть продолжительные, болезненные и дисфункциональные для общества последствия: раздвоение, раскол, противоречивость, конфликт внутри культуры, возникающие быстро и неожиданно и охватывающие ее ключевые доминанты – ценности, верования, нормы. «Ценности теряют ценность, требуют неосуществимых целей, нормы предписывают непригодное поведение, жесты и слова обозначают нечто, отличное от прежних значений. Верования отвергаются, вера подрывается, доверие исчезает, харизма терпит крах, идолы рушатся» (Там же. С. 11). Раскол культурного порядка будет нарушать коллективную идентичность, препятствовать установлению границ категории «мы», противоположной категории «они» или противостоящей ей.

В условиях нынешней информационной эпохи многое зависит от того, в чьих руках находятся электронные средства как инструмент влияния одной культуры на другую, но еще больше – от того, насколько устойчива групповая ценностная система, насколько ей удалось утвердить свои ценности в качестве стабильных. Известный антрополог Ч. Тэйлор писал, что «культурные объекты», как и «социальные», невозможно реформировать – они разрушаются, уничтожаются, поскольку исчезает мифология, легитимировавшая их в свое время. Если попытки реформ такого рода предпринимались неоднократно, то вместо ценности часто остается лишь оболочка, которую сравнительно легко наполнить новым содержанием. Если же традиция сохраняется почти неизменной на протяжении длительного времени, то «другие ценности» приходят в столкновение и зачастую даже укрепляют ценности данной группы. Поэтому одни страны более или менее гладко входят в глобализацию, тогда как другие, наоборот, создают глубоко эшелонированную оборону от внешних воздействий и прежде всего из традиционных ценностей группы, см.: (8. С. 89–90).

Разрушительный эффект насильственного культурного контакта ярко проявился в период модерна как следствие промышленной революции в Европе в

начале XIX века. Сам факт крушения прежней, традиционной цивилизации означал столкновение с гораздо более сильным противником, способным предложить привлекательные ценностные, нормативные, поведенческие и идейные альтернативы прежней социальной идентификации. Разрушительная сила подобного культурного контакта, следствием которого становится распад традиционной культурной среды, была осознана лишь с появлением в начале XIX века универсальной рыночной цивилизации, возникшей в результате глубочайшей трансформации (или мутации) традиционных западноевропейских обществ в ходе промышленной революции. Причиной такой деградации оказывается не столько эксплуатация жертвы, сколько смертельный удар, наносимый тем институтам, в которых воплощается ее социальное бытие. «Результатом становится потеря чувства самоуважения и кризис традиционных поведенческих норм — независимо от того, идет ли речь о народе или классе, является ли первоисточником процесса так называемый “конфликт культур” или перемены в положении определенного класса внутри общества», — считает известный социолог К. Поланьи (9. С. 176). Неизбежна грядущая за этим социальная катастрофа, суть которой выражается словами «культурное вырождение», как прямой результат стремительного и безжалостного разрушения фундаментальных социальных институтов вне зависимости от того, использовалось ли при этом насилие или нет. «Эти институты терпят крах уже вследствие того простого факта, что рыночную экономику навязывают обществам, имеющим принципиально другую организацию; что труд и землю превращают в товар, или, если выразиться более пространно, что все без исключения культурные институты органического общества ликвидируются» (Там же. С. 178).

Эти оценки звучат вполне современно. Новый экспансионистский рывок, предпринятый «универсальной цивилизацией» в конце XX — начале XXI веков превосходит предшествующие как широтой, глобальностью цивилизаторских претензий Запада, так и глубиной проникновения практик современного капитализма в самые интимные сферы фундаментальных укладов незападных цивилизаций. Однако это может вовлечь мир в еще более глубокий кризис, в основе которого окажутся проблемы культурного и религиозного неприятия незападными цивилизациями форм и методов западной экспансии.

Отсюда — сложнейшая проблема взаимодействия между универсальными и региональными факторами. С одной стороны, происходит быстрая экспансия глобального рынка, сопровождаемая ростом пересекающих границы коммуникационных и информационных систем. С другой стороны, обостряется ценностная чувствительность локальных и групповых структур. В условиях глобализации крайне трудно определить пределы сообщества, нации или государства: они постоянно преодолеваются и подрываются. Но поскольку государство еще далеко не исчерпало своих ресурсов, возникает необходимость уравновесить национальную и культурную идентичность более широкими символическими границами языка и культуры. Иными словами, на фоне кризиса идеи «нации» происходит консолидация регионализма с соответствующим акцентом на «европейские», «американские», «латинские», «евразийские» и другие ценности. «Явное противоречие между этими двумя аспектами, которое может быть обозначено как трансляция динамичного напряжения между сходством и различием, становится наиболее характер-

ной чертой современного культурно-политического ландшафта», — считает российский философ Т.А. Алексеева (8. С. 90).

В каких формах могут проявляться социокультурные конфликты?

1. Как *конфликт интерпретаций*, то есть столкновение между фактами настоящего и прошлого, который интерпретируется как несоответствие базовым основам культуры.

2. Как *нормативно-ценностный конфликт*, то есть столкновение между местной и иностранной культурой, которое воспринимается как культурно пагубное явление.

3. Как *депривационный конфликт*, когда происходит обновление образа жизни под влиянием изменения технологий, экономики, политических условий (в рамках неизменной или медленно изменяющейся культуры). Новый образ действий, появившийся спонтанно, вступает в конфликт со старой, традиционной культурой.

4. Как *цивилизационный конфликт*, порождаемый исторической эволюцией культуры — от ее архаической формы к современной.

5. Возможны и *внутрикультурные истоки конфликтов*, если разные сегменты культуры имеют разные темпы развития, см.: (7. С. 12–13).

Сами культурные несоответствия или несовместимости не обязательно ведут к открытым и острым культурным конфликтам. Последние возникают там, где несоответствия, напряжения и столкновения восприняты и переживаются как проблема, то есть нечто болезненное, беспокоящее, требующее исцеления. Отсюда массовая интеллектуальная, моральная, художественная, а в конечном счете — политическая мобилизация общества, сопровождающаяся повышением активности различного рода движений, особенно так называемых «новых социальных движений», остро ставящих в политическую повестку дня культурные проблемы.

Возможны два альтернативных сценария дальнейших событий: один — разрушение культуры, другой — культурная реконструкция. В первом случае параметрические изменения обостряют травматическую ситуацию, люди прибегают к бесплодным, даже контрпродуктивным стратегиям поддержания культуры: устаревшая культура сохраняется благодаря настойчивому культивированию воспоминаний. Во втором случае происходит благоприятное параметрическое изменение, облегчающее травматические ситуации в сочетании с эффективным поддержанием культуры и отмиранием прежнего культурного наследия в результате смены поколений. Это смягчает или устраняет травму, в итоге приводит к упрочению новой культуры.

Революционные потрясения 90-х годов вновь актуализировали проблему взаимосвязи между культурой и общественным прогрессом, а также проблему инновационных способностей самой культуры. Ключевая проблема состоит в том, способно ли политическое руководство противодействовать социальному краху, поощряя преобразования культуры. Это заставило ученых по-новому взглянуть на процессы социальной трансформации, учитывая то обстоятельство, что даже принадлежность к западному миру не гарантирует его странам прежней спокойной жизни в условиях развивающейся глобализации, поскольку именно она предлагает сегодня свои «правила игры» и соответствующие им ценности. Не случайно из научного лексикона исчезли такие словосо-

четания, как «третий мир», «социалистический» и «капиталистический» пути развития, но стали чаще использоваться другие термины: «символический капитал», «столкновение цивилизаций», «конец истории» и т.д. Взаимодействие политического и культурного факторов становится очевидным и все более определяющим в мировом политическом процессе, а социокультурная парадигма — наиболее перспективной в определении его конфликтности.

Опыт трансформирующихся обществ Азиатско-Тихоокеанского региона наглядно продемонстрировал, что в массовом сознании возникает противоречие между традиционными и современными ценностями. Южная Корея, Тайвань, Китай и Гонконг, проводившие модернизацию с опорой на развитие национальных политических традиций, подтвердили, что ее главным стимулом является **новое прочтение национальной традиции**, а в идеале — ее реконструкция. Только вследствие этого станет возможной и полноценная модернизация. Осознание этой проблемы все больше становится характерным и для российской интеллектуальной элиты. Как пишет философ В.Г. Федотова, представление о единственности западного пути означает, что развитие на основе догоняющей модели и вестернизации должно продолжаться и впредь. Выбор в пользу такого пути будет сохраняться до тех пор, «пока мы не осознаем, что у России есть свои, отличные от Запада задачи, что некоторые наши особенности никогда не позволят нам превратиться в Запад, как бы сильно кто-то ни желал этого... Западный вектор развития сегодня — это лишь усвоение отдельных нужных нам элементов западной экономики, политики, образования, культуры и т.д... Но Западом мы все равно никогда не станем» (10. С. 34–35).

С другой стороны, руководители некоторых стран, расколотых в культурном отношении на вестернизированную элиту и традиционные массовые слои, попытались поступить иначе, включив свои общества в Запад. Однако практика этих стран стала ярким примером силы, упругости и вязкости местных культур, их способности сопротивляться заимствованиям с Запада. Поскольку влияние Запада в эпоху глобализации сильно возросло и ограничений этому пока не видно, вестернизаторские попытки властвующих элит вероятнее всего будут продолжаться. Однако если незападным обществам и суждено модернизироваться, то они, судя по всему, должны пойти своим, а не западным путем, и, подражая Японии и другим успешным государствам Азиатско-Тихоокеанского региона, опираться на свои собственные традиции, институты и ценности.

По мнению С. Хантингтона, политических лидеров, которые надменно считают, что могут кардинально перекроить культуру своих стран, неизбежно ждет провал. Им удастся заимствовать элементы западной культуры, но они не смогут всегда подавлять основные элементы своей культуры или совсем избавиться от них. И наоборот, если западный вирус проник в другое общество, его очень трудно убить. «Вирус живучий, но не смертельный: пациент выживает, но полностью не излечивается. Политические лидеры... порождают разорванные страны, но не могут сотворить западные страны у себя дома. Они могут заразить страну шизофренией культуры, которая надолго останется ее определяющей характеристикой» (11. С. 237). Показательно, что российские социологи, давно изучающие состояние массового сознания россиян, определяют его именно в таких категориях: «Ярко выраженная внутренняя противоречивость взглядов, связанная с ориентациями на многие новые ценности при сильной

приверженности к большинству старых, и, как следствие, беспрецедентная мозаичность сознания, граничащая с массовой шизофренией» (12. С. 8).

Как известно, модернизационные процессы в России всегда порождали не просто социокультурное противоречие между традиционными и современными ценностями, но и конфликты политических культур. Россия, как и большинство других стран, впервые столкнулась с проблемой модернизации в результате европейской цивилизационной экспансии. Давление «сил современности», распространяясь из европейского центра, постепенно захватывало все новые и новые области, повсеместно производило более или менее глубокое стремление к изоляционизму. Однако изоляционизм или, говоря иначе, игнорирование «современности» рано или поздно становилось невозможным. Давление носило систематический и абсолютный характер, поскольку не было случайным эпизодом, а рассматривалось как естественный, имманентный и необходимый компонент исторического развития западной цивилизации.

В силу названных причин понятие «вызов модернизации» оказывается для России сложным. Вся проблематика культурной идентификации и социокультурного творчества понимается здесь иначе, чем на Западе. Давление «сил современности» делает необходимым сочетать эти чрезвычайно сложные процессы с освоением соответствующей проблематики западного цивилизационного круга и с поиском плодотворного синтеза.

Вместе с тем сложность ситуации заключается прежде всего в том, что многие отличительные характеристики западной цивилизации, в том числе такие как католическая религия, латинские корни языков, отделение церкви от государства, принцип примата права, социальный плюрализм, традиции представительных органов власти, индивидуализм, практически полностью отсутствуют в историческом опыте нашей страны.

Чтобы разорванная страна могла переопределить свою цивилизационную идентичность, должны быть выполнены некоторые условия. Во-первых, политическая и экономическая элита страны должна с энтузиазмом воспринимать и поддерживать данное стремление. Применительно к России этого сказать нельзя, поскольку в ее правящей элите (включая политическую, экономическую, административную, интеллектуальную) никогда не существовало согласия по поводу характера, темпов, способов и в особенности вектора политических и социально-экономических преобразований. Отсутствие консенсуса по этим принципиальным вопросам внутри элиты стало причиной многочисленных конфликтов, включая вооруженное столкновение парламента и президентских структур осенью 1993 года. По свидетельству одного из его активных участников, бывшего депутата Верховного Совета Российской Федерации О. Румянцева, это был «мировоззренческий конфликт между “прогрессистами” западнической ориентации и охранительными взглядами традиционалистов – патриотов. Схлестнулись крупные силы, не всегда оформленные организационно, но жестко расходящиеся идейно. В условиях подавления инакомыслия внутри ветвей власти там стала нарастать концентрация сил, столкновение между которыми лишь проявило давно заложенную матрицу гражданского противостояния цивилизационных блоков» (13. С. 193–194).

Во-вторых, общество должно по крайней мере молча соглашаться с переопределением идентичности или, в идеале, стремиться к этому. В отноше-

нии российского общества можно со всей определенностью утверждать, что такая установка сознания и поведения никогда не была доминирующей. Даже в начале демократических преобразований, когда западные либеральные ценности были особенно популярными, значительная часть населения оставалась приверженной либо собственному, российскому пути развития, либо органичному сочетанию традиционно российских и новых, западных (понимавшихся как «общецивилизационные») ценностей. По мере ослабления «демократической эйфории» и роста разочарования в демократии и рыночных реформах в их российской версии число антизападно настроенных россиян пропорционально возрастало.

В-третьих, преобладающие элементы в принимающей цивилизации (в большинстве случаев это Запад) должны хотя бы желать принять новообразованного. Наличие такого желания постоянно подвергается испытаниям на прочность, поскольку оно является предметом разногласий и политической борьбы между различными политическими силами на самом Западе, тем более, что и там в последнее время набирают силу изоляционистские тенденции, попытки защитить собственную цивилизационную идентичность. Наиболее ярким примером сложного взаимодействия между принимающей цивилизацией и претендентом на вхождение в семью ее народов являются отношения между странами евроатлантического сообщества и Турцией, которая так и не стала для них «своей». Этот пример показывает, что процесс переопределения идентичности может быть длительным, прерывающимся и болезненным в политическом, социальном, институциональном и культурном плане, причем сегодня он нигде так и не увенчался успехом. Это делает проблематичной саму его целесообразность, дает козыри в руки его противникам. Но даже если не ставить столь масштабную цель, как переопределение идентичности, а предлагать всего лишь сближение с Западом и частичное усвоение западных ценностей, то этот процесс должен быть длительным и постепенным, протекать в режиме диалога, межкультурной коммуникации.

Таким образом, в современных условиях внимание исследователей должно быть обращено к двум основным ценностным комплексам — современному и традиционному, чье сосуществование определяет не только содержание, но темпы и характер трансформации российского государства и общества. По свидетельству российского социолога М.Н. Горшкова, в пореформенной России в настоящее время существуют две различные модели ценностных систем. «Одна из них тяготеет к постиндустриальной индивидуалистической модели ценностей западного типа, а другая связана с носителями традиционалистской российской ментальности и тяготеет к патриархально-клиентелистской модели ценностей. Причем если ранее грань между носителями этих ценностных систем была размыта, то теперь о них можно говорить как о двух достаточно четко оформившихся группах» (14. С. 363).

Говоря о конфликтах политических культур в современной России, следует принять во внимание *множественность критериев их типологии*, поскольку ни один из них не проявляется в «чистом виде», но включает множество различных оснований. Одним из них является *размежевание на основе партийно-политических субкультур*, долгое время определявших сущность идейно-политического противостояния в России.

Левая, социал-традиционалистская субкультура опирается на такие ценности, как стабильность, гарантированная зарплата и социальные вклады, социальная справедливость и социальное равенство и т.д. В значительной степени в политическом плане эта субкультура может рассматриваться как левоцентристская, соответствующая не только традиционному электорату КПРФ, но и многим другим социальным слоям и группам, не разделяющим политический курс нынешней российской власти.

Правая, демократическая субкультура имеет собственную мифологию, наметки ценностей и стереотипы политического поведения. Несмотря на то, что само слово «демократия» не пользуется сегодня большой популярностью, очень многие демократические ценности на самом деле усвоены и имеют порой определяющее значение. Возможно, что это связано с рядом чисто российских архетипов, любовью к вольнице, практической неспособностью снова войти в дисциплинарную структуру любого характера.

В демократической субкультуре очень часто прослеживаются два подвида, которые совершенно явно выражаются определенными партиями. Первый подвид — так называемые прагматики. Социально значимый миф для «прагматиков» — это свободная рыночная экономика, неприкосновенность частной собственности и индивидуальная модель карьерного роста. Обычно такого типа субкультуры очень легко сотрудничают с властью, открыты для компромиссов. В наиболее ярком виде это выражается в СПС, хотя это скорее либеральная, чем демократическая партия.

Другим подвигом демократической субкультуры является «Яблоко», последователей которого можно было бы назвать «идеалистами», поскольку здесь значимы совсем другие ценности — свобода, право, демократические процедуры, наличие оппозиции. Именно эти серьезные идеологические расхождения, а также взаимная неприязнь лидеров помешали их объединению в единую коалицию на недавних парламентских выборах, см.: (15. С. 37–38).

Третья субкультура — формально правоцентристская — не имеет отчетливо выраженных признаков, поскольку чрезвычайно эклектична. В принципе она претендует на национально-консервативную идейно-политическую нишу, акцентируя такие ценности, как сильная власть, державность, национальные интересы и т.д. Главный выразитель этих ценностей — «Единая Россия» — конкурирует на поле центризма прежде всего с КПРФ, претендующей на левоцентристскую нишу, и для обычного российского гражданина, не занимающегося политикой, лозунги этих партий нередко звучат одинаково. Не случайно часть левого электората на парламентских выборах 2003 года отдала свои голоса «Единой России».

Другим критерием типологизации политических культур является *отношение к этноцентризму, к глобализации и к власти*. Данные электоральной статистики в ряде стран Европы (например, во Франции) показывают, что современный европейский электорат раскалывают не столько расхождения социального или экономического порядка, соответствующие делению на левых и правых, сколько столкновение между сторонниками «закрытости» и «открытости». В политическом отношении эта поляризация выражается в противостоянии крайне правого электората, состоящего из убежденных сторонников «закрытости», и электората социалистов и традиционно правых партий,

более склонных к «открытости». Подобный способ структурирования политического пространства сложился уже к середине 1990-х годов, но начало нового века сделало эту латентную структуру еще более очевидной. Глубокий разлом на основе критерия, разработанного в свое время К. Поппером в знаменитой работе «Открытое общество и его враги», и сегодня делит практически пополам многие европейские общества (прежде всего французское).

Что касается России, то и для нее данный критерий считается одним из наиболее релевантных в анализе социокультурных конфликтов. Как уже говорилось, главной линией раскола в политической культуре современной России является разделение на радикальное западничество и традиционное почвенничество (включая его советскую версию, то есть «традиционный советизм»). Вместе с тем одной из значимых характеристик политической культуры постперестроечного периода является ценностно-политическая дезорганизация людей, а также устойчивость поддержки людьми противоположных по своему содержанию политических ценностей, то есть та самая «культурная шизофрения», от которой предостерегал С. Хантингтон.

Культурный конфликт между радикальным западничеством и традиционным почвенничеством является одновременно конфликтом между индивидуалистической и коллективистской ориентациями. В последнее время он приобрел особую остроту в связи с отказом от радикальных политических проектов — анархизма, либертарианства, радикальной демократии, марксизма и т.д., обнаруживших свою подлинную или мнимую несостоятельность. На некоторое время в общественном сознании восторжествовала эйфория по поводу крушения некогда влиятельных идеологических доктрин, политических мегапроектов. Однако отказ от попыток воскресить любую из названных утопий в ее первоизданном виде вовсе не означает, что возможно существование общества, лишенного норм поведения, не вырабатывающего политических проектов. При подобном положении дел был бы неизбежен уход граждан в сферу частной жизни. Однако, как справедливо подчеркивают американские теоретики гражданского общества Д. Коэн и Э. Арато, «политическая культура, построенная на голом эгоизме, не сможет обеспечить достаточной мотивации не только для развития, но и для сохранения существующих прав, демократических институтов, социальной солидарности или независимости» (16. С. 10).

Помимо названных существуют и другие критерии типологии политических культур и конфликтов между ними. В их числе:

- конфликт между элитарной, европеизированной культурой «верхов» и эгалитарной культурой «низов». Различия в образе жизни, стандартах поведения, ценностных ориентациях и предпочтениях настолько велики, что позволяют даже говорить о «двух культурах» в границах нынешнего российского государства;

- конфликт между централистской и федералистской политической культурой. Федерализм — это не только набор институтов, но и набор соответствующих им ценностей, и, следовательно, не только политический, но и культурный проект. Традиционно российский, административный способ осуществления реформ привел к тому, что был слабо затронут культурный, ценностный пласт. Федерализм не стал общественным благом, он не имеет широкой поддержки в обществе, поскольку не затронул (или весьма слабо затронул) част-

ный интерес. В итоге в России состоялась децентрализация, а не федерализм и началось обратное движение – восстановление централизованного, вертикального управления страной. Отсюда популярный ныне проект «восстановления вертикали власти», отражающий интересы и намерения определенных элитных группировок, но не имеющий ничего общего с понятием «федерализм». В федеративном государстве есть два уровня власти, но никак не ее вертикаль. Вместе с тем слабая протестная реакция на унитаристский проект как среди властвующей элиты, так и в обществе говорит о безраздельном господстве унитарной политической культуры;

- конфликт между демократической и авторитарной политическими культурами;

- конфликт между националистической, гегемонистской и миролюбивой, демократической политическими культурами (во внешней политике);

- конфликт между подданнической, унаследованной от советского прошлого и гражданской политическими культурами, последняя остро необходима для укрепления демократических институтов;

- конфликт политических темпераментов (радикалы / либералы / консерваторы), особенно ярко проявившийся в парламентских выборах 2003 года.

Радикальная идеология, оправдывающая антагонистическое несогласие с существующим порядком, убеждением о преобладании экономики над политикой, обычно занимает господствующие позиции в начале процесса модернизации, но по мере ее развития становится идеологией меньшинства – удельный вес ее влияния падает с 15% до 10% сторонников. В России левая радикальная идеология, опирающаяся на принципы «избежания лишений» и «социальной справедливости», поддерживается сегодня не менее чем одной третью населения (а по вопросу бюджетной консолидации природной ренты – двумя третями). Партии и блоки – носители этой идеологии (КПРФ, АПР, «Родина») суммарно собрали на парламентских выборах примерно 27% голосов. На такой же радикальной основе, но, в отличие от левого радикализма, с большим уклоном в сторону традиционализма и коллективных прав, строится идеология русского национального радикализма, которая в конечном счете может создать условия для этнической революции – возрождения национальной государственности через восстановление русской национальной власти (ЛДПР – 12%). Следовательно, на последних парламентских выборах радикальные партии набрали 39% голосов, то есть больше, чем в 1999 году, когда суммарно они имели 30,3%.

Либеральная идеология с ее ориентацией на эволюцию существующего порядка в рамках единого сообщества на основе признания приоритета прав человека и автономности функционирования политической и экономической систем оказалась фактически не представленной в Государственной думе, хотя востребована 15–20% «модернизированной» части населения страны.

Консервативная идеология получила определенную институциональную основу и перспективу сохранения существующего в стране порядка (как и в 1999 году, когда «Единство» и «Отечество – Вся Россия» получили суммарно примерно 37% голосов). Их идеологемы – превосходство общества над индивидом и доминирование политики над экономикой. Избирателей этой партии отличает конформизм по отношению к власти, пассивная готовность ее поддерживать.

Таким образом, основным кливажем в этом измерении является конфликт между радикалами (левыми и правыми), с одной стороны, и правыми консерваторами, с другой. Существенное присутствие первых в политической инфраструктуре общества говорит о том, что развитого, стабильного состояния Россия еще не достигла. Конкуренция радикалов и консерваторов при резком ослаблении либерального крыла политического спектра свидетельствует о том, что поиск общенационального консенсуса по вопросу о главном векторе политического развития страны не будет простым и легким. Вместе с тем он совершенно необходим, если всерьез думать о судьбе России, о ее будущем. Но ключ к будущему лежит в способности элиты справиться с культурным напряжением и конфликтами, свойственными современному российскому обществу. Их необходимо разрешать на путях эффективной культурной реконструкции, используя последнюю как главное условие осуществления национального модернизационного проекта.

Примечания

1. Культура имеет значение. М., 2002.
2. Лапкин В.В. Универсальная цивилизация: болезнь роста и ее симптомы / Политические институты на рубеже тысячелетий. М., 2001.
3. Драгунский Д. Гражданская война цивилизаций // Космополис. Лето 2003. № 2.
4. Бенхабиб С. Притязания культуры. Равенство и разнообразие в глобальную эру / Пер. с англ., под ред. В.И. Иноземцева. М., 2003.
5. Малахов В. Жан Мари Ле Пен и другие // Космополис. Осень 2002. № 1.
6. Дарендорф Р. Размышления о революции в Европе // Путь. Международный философский журнал. 1994. № 6.
7. Штомпка П. Социальное изменение как травма // Социологическое исследование. 2001. № 1.
8. Алексеева Т.А. «Реванш кочевников», или ценностное осмысление глобализации // Космополис. Лето 2003. № 2.
9. Поланья К. Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени / Пер. с англ. А.А. Васильева и др. СПб., 2002.
10. Федотова В.Г. Политический класс, население и территория // Свободная мысль – XXI. 2004. № 2.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. М., 2003.
12. Грушин Б. На пути к самосознанию // Независимая газета. 2000. 28 сентября.
13. Румянцев О.Г. Основы конституционного строя России (понятие, содержание, вопросы становления). М., 1994.
14. Горшков М.Н. Российское общество в условиях трансформации (социологический анализ). М., 2000.
15. Современные модели политических партий (круглый стол) // Свободная мысль. 2003. № 3.
16. Коэн Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. Пер. с англ. / Под. ред. И.И. Мюрберг. М., 2003.